

ПРОТОКОЛ ИСЧЕЗНУВШЕГО ГОЛОСА

ИИ

Вера Лунница

Вера Лунница

Протокол исчезнувшего голоса

«Автор»

2026

Лунница В.

Протокол исчезнувшего голоса / В. Лунница — «Автор», 2026

Что делать, если брат прислал голосовое после собственной смерти? Три недели назад Нина похоронила Илью. На его старом телефоне — голосовое с отметкой 03:17, отправленное после смерти. Ошибка? Чужая игра? Или брат успел сказать то, на что не решался при жизни? Поиски ведут Нину к семейным тайнам и трудным разговорам. Но прошлое не может выбирать за живых: обещание не всегда нужно исполнять буквально, а тишина не обязательно скрывает угрозу. Ей предстоит отделить факты от догадок и принять, что некоторые вопросы останутся без ответа. «Протокол исчезнувшего голоса» — роман о горе, памяти и свободе выбора. Для тех, кто переживал утрату или боится неизвестности. История о том, как сохранить голос близкого, не превращая его в приказ, и опереться на свои ценности и живых людей. Книга создана с помощью ИИ. Обложка: GPT Image - Лицензия

© Лунница В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Сообщение в 03:17	6
Метка времени после смерти	9
Голос, который назвал меня по имени	13
Первое правило: дослушать до конца	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Вера Лунница

Протокол исчезнувшего голоса

Протокол исчезнувшего голоса

Вера Лунница

Сообщение в 03:17

В 22:46 Нина срезала потемневшие концы гвоздик и поставила их в банку из-под томатов. Вазы в квартире не нашлось. На столе рядом лежали открытки с соболезнованиями, аптечный пакет и список дел, который она начала составлять ещё в день похорон Ильи и так и не закончила.

Три недели назад старший брат погиб. С тех пор Нина умела отвечать на вопросы вроде «кому позвонить насчёт документов» и «куда отнести его куртку». На вопрос, что теперь делать с вечерами, ответа не было.

Старый телефон Ильи лежал у неё на кухне, подключённый к зарядке. Мать отдала его несколько дней назад: вдруг там остались фотографии, которых нет в семейном альбоме. Экран был исцарапан, на углу темнела паутина трещин. Нина собиралась перенести снимки и вернуть телефон маме. Вместо этого она открыла приложение с записями и нашла папку «Не открывать».

Внутри был один файл. Название — «Нина». Дата отправки отсутствовала.

Нина уже включала его не раз. В первый вечер она решила, что ослышалась. На следующий проверила, не перепутала ли папку. Потом слушала снова, потому что на фоне ей почудился шум улицы, а в шуме — подсказка. Сегодня она открывала запись четыре раза. Каждый раз надеялась услышать что-нибудь, что наконец расставит всё по местам.

В пятом круге Илья произнёс её имя так, как произносил, когда хотел попросить о чём-то и заранее знал, что она откажет.

— Нина, привет. Ты оставила у меня тот шарф, красный, который вечно называешь новым, хотя ему лет десять. Я нашёл его за креслом. Не приезжай специально, я могу завезти. Только напиши, когда будешь дома, а то я опять попаду на твой созвон. И скажи маме, что суп у неё отличный, но соли в этот раз было столько, что ложка встала. Ладно, позвони, когда сможешь.

В конце брат коротко усмехнулся. Запись оборвалась.

Ничего необычного. Ни признания, ни объяснения, ни слов, которые могли бы быть обращены к сестре после смерти. Обычное сообщение о шарфе, супе и звонке. Именно поэтому Нина прокрутила последние секунды ещё раз.

Ей хотелось понять, когда он это записал. До аварии? Может быть, задолго до неё? Почему файл оказался в папке с таким названием? И почему она заметила его только теперь?

Она остановила воспроизведение, но палец остался над кнопкой повтора.

На ноутбуке мигал недописанный ответ заказчику. Нина обещала отправить макет афиши до конца дня. В письме уже стояло: «Извините за задержку», но следом не было самого макета. Она подвинула ноутбук ближе, прочитала фразу и закрыла крышку. Потом взяла телефон брата и проверила сведения о файле. Название, размер, длительность. Даты не было.

Она открыла список звонков, будто среди имён могла найти нужный ответ. Переписки Ильи тоже не проясняли ничего: сообщения о покупках, фотографии испачканного снегом ботинка, мамина просьба заехать в аптеку. Нина перешла к настройкам, вернулась в папку, снова нажала на запись.

Когда звук закончился, она поняла, что всё ещё держит в руке кухонные ножницы. Рядом лежал срезанный стебель, капля воды стекала по банке на стол.

Нина положила ножницы и прикрыла экран телефона.

Она хорошо знала этот способ справляться с тревогой: собрать сведения, уточнить время, проверить, не пропущен ли звонок, найти человека, который знает больше. После аварии она действовала именно так. Узнавала номера, заполняла бумаги, записывала, кто и что обещал

сделать. Пока в списке оставался следующий пункт, можно было не задерживаться на вопросе, на который никто не отвечал.

Контроль помогал. Он позволил ей пройти через похороны, собрать документы, забрать вещи брата. Но теперь Нина пыталась тем же способом распутать запись, у которой не было даты. Она искала точность там, где не умела её добыть.

Палец снова потянулся к телефону. Нина остановила его, достала из ящика блокнот и провела на чистом листе две вертикальные линии. Разделила страницу на три колонки и написала их: «Факты», «Мои предположения», «Что я хочу выяснить».

В первой колонке она написала: «Я узнаю голос Ильи». Ниже: «У файла нет даты отправки». Последней строкой: «Илья умер три недели назад».

Нина перечитала записи. Она почти добавила: «Файл лежал в телефоне до смерти». Ручка уже коснулась бумаги, но она остановилась. Этого она не знала. Она могла только предполагать.

Во второй колонке появилась первая запись: «Он записал это до аварии». Следом: «Телефон восстановил файл из копии». Потом: «Илья оставил его для меня». Нина замерла перед следующей мыслью. Ей хотелось написать: «Он записал это после смерти». Она всё-таки вписала её, но поставила перед ней вопросительный знак.

На секунду бумага перестала выглядеть как путь к ответу. Скорее как карта местности: вот участок, на котором она стоит, вот несколько дорог, по которым воображение уже побуждало, а вот место, куда пока нельзя пройти.

В третьей колонке Нина записала: «Когда сделана запись?», «Как она попала в эту папку?» и «Была ли она адресована мне?»

Под последним вопросом она провела черту. Не чтобы закрыть тему, а чтобы не добавлять новые вопросы на ходу.

На часах было 00:38. Нина вспомнила, что ещё днём Даша спрашивала, как она держится. Тогда Нина ответила: «Нормально, просто много дел». Это было неправдой не в смысле намеренного обмана. Просто слова сами вышли привычные, гладкие, удобные для обоих.

Она открыла переписку с подругой. В поле сообщения набрала: «Даш, мне нужна поддержка». Посмотрела на короткую фразу. Хотелось добавить подробности, извинение, объяснение, почему она пишет так поздно. Нина не стала.

Следом отправила: «Нашла на телефоне Ильи голосовое без даты. Я не хочу сейчас оставаться с этой находкой одна. Можешь побыть со мной на связи?»

Пока она ждала, в квартире гудел холодильник. На ноутбуке под крышкой оставалось письмо без макета. В банке с цветами мутнела вода. Нина замечала всё это по очереди, будто снова составляла список, но теперь не пыталась превратить каждую вещь в задачу.

Даша ответила через несколько минут: «Я здесь. Позвонить?»

Нина нажала вызов.

— Ты не спишь? — спросила она, когда подруга ответила.

— Уже нет, — сказала Даша. — Что случилось?

Нина посмотрела на телефон Ильи.

— Нашла его запись. Я слушала её много раз. Даты нет.

На другом конце возникла короткая пауза. Нина заранее приготовилась к вопросам: «А ты уверена?», «Может, это старый файл?», «Ты проверила облако?» Ей хотелось объяснений и одновременно было страшно услышать любое из них.

— Я не буду угадывать, что она значит, — сказала Даша. — Если ты не попросишь.

Нина выдохнула. Напряжение не исчезло, но перестало заполнять всю комнату.

— Спасибо.

Они помолчали. Даша не торопила её. Потом рассказала, что у неё на кухне сгорела лампочка и она второй день забывает купить новую. Нина улыбнулась, хотя улыбка вышла неров-

ной. Несколько минут они говорили о мелочах. Не для того, чтобы отвлечь Нину любой ценой, а чтобы напомнить ей: вокруг неизвестного всё ещё существовали обычные вещи.

Когда экран телефона сменил цифры на 03:17, Нина поняла, что не хочет снова ходить по кругу.

— Я могу послушать её один раз, пока ты на линии? — спросила она. — Не останавливать и не перематывать. Просто один раз.

— Да, — ответила Даша. — Я с тобой.

Нина поставила телефон брата на стол. Рядом лежал лист с тремя колонками. «Факты». «Мои предположения». «Что я хочу выяснить». Она посмотрела на запись в первой колонке, затем на вопросы в третьей.

Не всё из того, что она хотела знать, можно было выяснить сейчас. Возможно, что-то можно было проверить утром. Возможно, ответ появится позже. Возможно, часть вопросов останется вопросами. Нина не умела считать это хорошим исходом. Но могла пока не выдавать догадку за знание.

Она нажала на кнопку воспроизведения.

— Нина, привет, — сказал Илья.

Его голос прозвучал спокойно и узнаваемо. Чуть хриплый, с мягким смешком на слове «новым». Нина слушала не как следователь, которому нужно поймать неточность, а как сестра, которой говорит брат. Он упомянул шарф, созвон, мамин суп. Ни разу не объяснил, когда сделал запись.

Она слышала каждое слово и не искала между ними тайного смысла. Когда Илья закончил говорить, в комнате снова остался только холодильник и дыхание Даши в динамике.

Палец Нины завис над кнопкой повтора.

— Всё, — тихо сказала она.

— Хочешь, останусь на линии?

— Да. Только немного.

Нина не удалила файл. Не переименовала его. Не стала решать, кому и что о нём рассказывать завтра. Она перевернула телефон экраном вниз, потом подтянула к себе лист и обвела три строки в колонке фактов. Остальное осталось на своих местах: предположения — предположениями, вопросы — вопросами.

— Я не знаю, что это значит, — сказала она.

— Не обязательно знать сегодня, — ответила Даша.

Нина посмотрела на пустую чашку, на тёмное окно, в котором отражалась кухня, на засохший стебель у банки. Ей по-прежнему хотелось объяснения. Но теперь между желанием и действием появилась пауза. В этой паузе помещался следующий шаг: не разгадать всё немедленно, а не оставаться одной.

На экране старого телефона погас свет. Голос Ильи остался в файле, а Нина — на линии с подругой.

Метка времени после смерти

Утром Нина включила старый телефон не потому, что была готова, а потому, что ночь закончилась и от неё ждали простых действий: встать, поставить чайник, найти чистую чашку. Телефон лежал там же, где она оставила его вечером, экраном вниз. Даша отключилась только после того, как услышала, как Нина заперла дверь и убрала чашку в раковину. «Напиши, когда проснёшься», — сказала она. Нина пока не написала.

Чайник зашумел. На кухне запахло пылью от батареи и вчерашним чаем. Нина села за стол, включила телефон и нашла голосовой файл. Палец задержался над кнопкой воспроизведения. Она не нажала. Вместо этого открыла меню, выбрала «Сведения» и стала читать строки, которые вчера не заметила.

Имя файла. Размер. Формат.

Дата создания: 16 октября, 03:17.

Нина перечитала. Потом приблизила экран, словно цифры могли измениться от того, что она смотрит на них внимательнее. Не изменились.

Илья умер 14 октября.

Эту дату она знала без телефона. Знала по разговору с врачом, по документу, который держала в синей папке, по тому, как мать Ильи произнесла её на кладбище, будто боялась, что день тоже можно потерять. Четырнадцатое октября. Голосовое сообщение было создано через два дня после его смерти.

Чайник щёлкнул и умолк.

Нина поставила кружку на стол, но не налила воду. В голове уже выстраивалась цепочка: файл не мог быть создан тогда, Илья не мог записать его тогда, значит, дата ошибочна. Или телефон показывает не то. Или запись подделана. Или она сама неверно прочитала сведения. Она снова нажала на строку даты. Ничего не открылось.

На листе рядом с чашкой остались три обведённые строки из вчерашней таблицы: «файл существует», «голос похож на Илью», «даты отправки нет». Нина добавила четвёртую: «дата создания — 16 октября». Подчеркнула дважды. Потом написала ниже: «Что это доказывает?»

Ответ не появился.

Она проверила дату в календаре телефона, настройки часового пояса, время последнего обновления системы. Потом открыла папку, где лежали семейные фотографии, и нашла снимок документа со свидетельством о смерти. Не чтобы убедиться. Чтобы увидеть рядом две даты и позволить одной из них опровергнуть другую. Четырнадцатое. Шестнадцатое.

Когда Даша позвонила, Нина ответила сразу.

— Нашла дату? — спросила подруга.

— Да.

— И?

— Шестнадцатое октября. Три семнадцать ночи. Илья умер четырнадцатого.

На том конце стало тихо.

— Ты уверена, что это дата записи?

— Здесь написано «создано».

— Я не спрашиваю, что написано. Я спрашиваю, уверена ли ты, что это означает именно то, о чём ты подумала.

Нина закрыла глаза. Её раздражало, что Даша была права именно тогда, когда Нине хотелось одного — чтобы кто-нибудь подтвердил невозможность.

— Нет, — сказала она. — Не уверена.

— Хорошо. Это уже факт о факте.

— Не начинай.

— Я не начинаю. Я рядом. Что ты собираешься делать?

Нина посмотрела на телефон. Ей хотелось отнести его человеку, который мог бы вскрыть корпус, подключить приборы, увидеть на экране нечто бесспорное и произнести: «Вот причина». Потом хотелось, чтобы он сказал обратное: «Такого быть не может». Любой ответ казался лучше этой даты, которая стояла на месте ответа и ничего не объясняла.

— Найду специалиста по восстановлению данных, — сказала она.

В сервисном центре пахло пластиком, кофе из автомата и мокрыми куртками. За стойкой работал мужчина лет сорока в сером свитере. На бейдже было написано: «Марат». Он выслушал Нину, не перебивая, и попросил сначала показать телефон, а потом файл.

— Вы хотите понять, когда запись сделали? — уточнил он.

— Я хочу понять, почему телефон говорит, что её создали после его смерти.

Марат не спросил, кто такой «он». Не сказал, что всё сейчас выяснит. Он подключил телефон к компьютеру и попросил Нину не открывать файл, пока он проверяет копию.

— Можно посмотреть свойства оригинала, — объяснил он. — Но любое вмешательство лучше свести к минимуму. Сначала сделаем образ данных, затем будем работать с копией.

Слово «образ» Нине не понравилось. Оно звучало слишком похоже на замену. Но она кивнула.

Марат подключил кабель, несколько раз сверился с экраном, затем достал из ящика небольшой переходник. На мониторе появились папки с непонятными названиями. Он не торопился. Нина следила за его руками, за тем, как он вводит команды и отмечает что-то в блокноте. В этом спокойствии было почти невыносимое обещание порядка.

— Вы видите что-нибудь? — спросила она.

— Вижу, что каталог с аудиофайлами частично повреждён. Вижу следы восстановления. И вижу, что этот телефон синхронизировался с резервной копией шестнадцатого октября.

Нина наклонилась к экрану.

— Значит, файл восстановили в тот день?

— Возможно. Но это не одно и то же, что записали в тот день.

— Здесь дата создания файла.

— Да. Только такая дата может обозначать время, когда файл появился в этой папке на устройстве. Например, после загрузки, копирования или восстановления из резервной копии. Иногда она меняется при переносе между устройствами. Иногда восстановленная папка получает дату, когда её собрали заново.

— А можно выяснить, какой вариант был?

Марат немного помолчал, будто проверял не ответ, а предел ответа.

— Я могу увидеть следы синхронизации и повреждения. Могу сравнить файл с тем, что сохранилось в резервной копии, если она доступна. Но по одному времени в свойствах нельзя достоверно установить, когда человек произнёс слова в микрофон. В самой записи нет отдельной метки, которой можно было бы безошибочно доверять.

— То есть дата может быть неправильной.

— Точнее, дата может быть правильной для операции с файлом и не отвечать на ваш вопрос о записи.

Нина услышала в его голосе осторожность, но не безразличие. Он не пытался унять её. Это было хуже и лучше одновременно.

Они проверили доступные данные. Старый телефон был привязан к облачному аккаунту, которым Нина не пользовалась несколько лет. Пароль она нашла в записной книжке, среди номеров сантехника и старых кодов от домофона. Войти удалось со второй попытки. В облаке сохранилась резервная копия устройства, созданная шестнадцатого октября в три двенадцать. Папка с аудио отмечалась как синхронизированная, но отдельной записи, которая показала бы, когда именно был создан конкретный файл, не было.

— Это похоже на восстановление? — спросила Нина.

— Это подтверждает, что в тот день данные синхронизировались. Файл мог быть записан раньше и загружен позже. Мог оказаться в повреждённой папке, которую система собрала при восстановлении. Но я не могу показать вам доказательство, которое закрыло бы вопрос.

— А если облако неверно выставило время?

— Тоже возможно. Но сейчас это предположение, не вывод.

Марат произнёс это без нажима. Нина узнала знакомую границу: с одной стороны факты, с другой — её желание поселиться там, где уже всё решено.

Он сделал копию файла и сверил её с оригиналом. На экране появились две длинные строки символов, похожие на бессмысленный набор. Марат объяснил, что контрольные суммы совпадают: копия побайтно идентична тому, что удалось прочитать с телефона.

— Оригинал оставим нетронутым, — сказал он. — Для прослушивания используйте копию. Я бы сохранил ещё одну на отдельном носителе.

— А вы можете сказать, что это голос Ильи?

— Я специалист по данным, не по голосам. Могу сказать, что файл не менялся в процессе копирования. Остальное не моя область.

На улице моросил дождь. Нина шла к остановке, прижимая к груди конверт с флеш-накопителем, хотя он ничего не мог защитить от дождя. В телефоне лежал оригинал. На флешке — копия. В облаке — резервная копия неизвестной давности. Она могла бы расставить всё по папкам, придумать названия, купить новый диск, заказать ещё одну проверку. Могла бы заполнить этим весь день, а потом весь вечер.

Она представила, как несёт телефон от одного специалиста к другому, пока кто-нибудь наконец не назовёт дату, которая позволит ей выдохнуть. Если подтвердится, что файл восстановили шестнадцатого, значит, Илья говорил раньше. Если нет, значит, случилось нечто, для чего у неё нет слов. А если ответа не будет, ей придётся оставить открытым и вопрос, и то место в себе, которое он занял.

Вдруг она поняла, что требует от даты разрешения. Разрешения считать голос настоящим. Разрешения скучать по Илье. Разрешения не искать его в каждом слове телефона. Пока дата не объяснена, казалось Нине, она не вправе ни принять сообщение, ни отложить его.

Даша встретила её вечером у двери. Нина успела написать: «Проверила. Я не знаю больше, чем утром». Подруга принесла хлеб и пакет апельсинов, будто шла не на разговор о невозможном, а на обычный ужин.

Они сидели за кухонным столом. Флешка лежала между ними рядом с чайными ложками.

— Техник нашёл причину? — спросила Даша.

— Нашёл следы синхронизации и восстановления данных. Старый облачный аккаунт, повреждённую папку. Всё звучит убедительно, но ничего не доказывает.

— Значит, ты проверила.

— Да.

— И теперь?

Нина опустила ладонь на стол. Под пальцами чувствовалась тонкая царапина, которую оставил нож много лет назад.

— Теперь я должна понять, когда можно слушать сообщение.

Даша посмотрела на неё мягко, но внимательно.

— Ты хочешь слушать?

Нина не ответила сразу. За стеной кто-то включил воду. Трубы коротко загудели, и на кухне снова стало тихо.

— Хочу. И боюсь, что если послушаю, то начну искать в каждом слове объяснение этой даты.

— Можешь искать, — сказала Даша. — Но тебе не обязательно находить его сегодня.

— А если без объяснения это будет казаться правдой?

— Оно уже существует. Файл есть. Голос ты услышала. То, чего ты пока не знаешь, тоже существует, но оно не обязано становиться ответом только потому, что ты будешь мучить себя до утра.

Нина достала лист, на котором вчера обводила факты. На обороте нарисовала две колонки. В первой написала: «В моей власти». Во второй: «Не в моей власти».

Сохранить оригинал. Сделать копию. Отдать копию специалисту. Не менять исходный файл. Выбрать время для прослушивания.

Дата в свойствах. Точный момент записи. Причина, по которой файл оказался на телефоне. Будет ли объяснение вообще.

В последней строке первой колонки она написала: «Решить, когда остановиться».

— Это выглядит слишком просто, — сказала Нина.

— Иногда простое выглядит оскорбительно, когда нам нужен невозможный ответ.

Нина улыбнулась, но улыбка быстро исчезла. Она подумала о фразе, которую могла услышать в сообщении. О том, что под звуком его голоса не будет ни прикосновения, ни взгляда, ни возможности спросить: «Ты правда это сказал?» Если сообщение оказалось записано раньше, она не узнает, почему оно пришло только теперь. Если позже — не узнает, как это могло произойти. Но в обоих случаях голос уже был там, в файле, и ждал не разгадки даты, а её нажатия.

Она решила не слушать его в полночь и не оставаться с ним один на один в тревоге. Они с Дашей закончили ужинать. Подруга осталась на кухне, пока Нина подключала флешку к ноутбуку. Копия открылась в отдельной папке. Имя файла Нина не меняла; рядом создала документ с заметками о проверке и записала туда, что именно установил Марат, а что осталось предположением.

Потом вынула флешку, убрала её в ящик стола и закрыла ноутбук.

— Сейчас? — спросила Даша.

Нина посмотрела на старый телефон.

— Сейчас. Только один раз. На копии.

Она включила файл и положила телефон на стол. Несколько секунд звучал тихий шорох, будто микрофон задела пальцами. Потом раздался голос Ильи. Не похожий на него — его. Нина узнала мягкую хрипотцу на согласных, короткий вдох перед словами, привычку говорить чуть тише в конце фразы.

— Если ты это слышишь, значит, я уже не смогу объяснить.

Нина замерла. Даша не шевельнулась.

Голос продолжил:

— Нина, я хотел, чтобы ты сначала услышала меня, а потом уже решила, что делать.

Запись оборвалась. На экране появилась полоска завершённого файла. Нина не нажала воспроизведение снова. Она не стала всматриваться в дату и не стала задавать вопрос, который всё равно не мог услышать человек, уже не способный ответить.

— Достаточно? — тихо спросила Даша.

— На сегодня — да.

Нина отложила телефон экраном вниз. Копия осталась сохранённой: одна на ноутбуке, другая на флешке. Дата шестнадцатого октября никуда не исчезла и не стала понятнее. Но теперь она не стояла между Ниной и голосом как дверь, которую нужно было открыть прежде, чем позволить себе горевать.

В кухне остывал чай. За окном дождь тонко шуршал по стеклу. Нина убрала лист с двумя колонками в ящик, рядом с проводами и старой зарядкой, и впервые за день не стала проверять время.

Она знала лишь, что Илья произнёс её имя. Пока этого было достаточно, чтобы услышать, как сильно она ждала именно этого.

Голос, который назвал меня по имени

В половине десятого Нина взяла телефон не для того, чтобы включить запись, а чтобы написать Лиде.

«Ты сегодня можешь приехать? Я хочу дослушать сообщение Ильи. Только не одна».

Ответ пришёл почти сразу:

«Могу. Во сколько? И давай договоримся: в любой момент можно остановить».

Нина перечитала эти слова. В них не было обещания, что всё окажется не таким страшным. Только разрешение остановиться. Почему-то это оказалось важнее.

Она предложила одиннадцать утра. Не ночь, когда каждая пауза звучала бы громче, а дождь за окном легко становился чужим шёпотом. Не кухня, где накануне остывал чай и телефон лежал экраном вниз, будто мог сам перевернуться. Нина выбрала гостиную: светлую, с большим окном и старым креслом, в котором удобно было сидеть, не застывая над экраном.

К десяти она уже успела передумать трижды.

Сначала решила, что надо послушать одной: иначе Лида будет смотреть на неё, а не на телефон, и Нина начнёт следить за выражением её лица. Потом подумала, что именно одной ей нельзя. Затем решила, что запись лучше включить в наушниках, чтобы слышать каждую деталь. Но представила голос Ильи прямо у себя в ушах, без расстояния, и убрала наушники обратно в ящик.

Файл оставался там, где она его сохранила. Рядом с ним на экране по-прежнему стояло шестнадцатое октября. Илья умер двенадцатого. Нина знала обе даты и не знала, что между ними произошло. Она обещала себе сегодня не открывать свойства файла, не искать ответы в цифрах и не проверять, не появились ли новые сообщения.

Но волнение было не только из-за даты.

Нина боялась того, что может услышать. Не шума, не помех, не странной интонации, а ясной фразы, после которой знакомый Илья станет незнакомцем. Вдруг он скажет, что все эти годы скрывал что-то от неё. Вдруг признается в поступке, после которого воспоминания придётся пересобирать, как фотографии, рассыпанные на полу. Тогда детские шалости, семейные праздники, его молчание в последние месяцы — всё обретёт другой смысл.

Она поймала себя на том, что уже заранее спорит с братом. Просит объяснить. Просит не говорить. Просит сказать всё до конца.

Когда Лида пришла, Нина стояла у окна и держала чашку обеими руками. Чай давно остыл.

— Ты уверена, что хочешь сегодня? — спросила Лида, снимая пальто.

— Нет. Но я хочу перестать ждать, что запись включится сама.

Лида поставила сумку у кресла. Она не потянулась к телефону и не спросила, что именно Нина уже успела узнать. Просто села рядом.

— Тогда решаешь ты, — сказала она. — Хочешь включить — включай. Хочешь остановить — остановишь. Не нужно дослушивать ради меня.

Нина кивнула, хотя от одного вида файла у неё свело пальцы.

Они договорились о простых вещах. Слушают только это сообщение и только один раз. Телефон кладут на стол, не надевают наушники. Если Нина захочет остановить запись, она остановит. После не будут сразу искать в сообщении объяснения и не станут перезванивать матери. Сначала Нина запишет отдельно то, что услышала, и то, что почувствовала.

— А если там будет что-то такое, что нельзя развидеть? — спросила она.

— Ты это уже услышишь, — ответила Лида. — Но тебе не обязательно сразу решать, что это значит.

От этих слов не стало легче. Зато в комнате как будто появилось место для следующего шага.

Нина придвинула телефон к себе. На экране светилась кнопка воспроизведения. Она положила ладонь на край стола и почувствовала под пальцами мелкую царапину, оставшуюся от старого переезда. Царапина была настоящей. Стол был настоящим. Лида сидела рядом. Запись можно было остановить.

— Готова? — спросила Лида.

— Нет. Но включу.

Палец коснулся экрана.

Сначала раздался тихий шорох. Потом щелчок, похожий на то, как ставят телефон на поверхность. Нина подалась вперёд. За шорохом послышалось дыхание, и голос Ильи произнёс:

— Нин.

Её имя прозвучало так просто, будто брат только что вошёл в комнату и собирался спросить, где лежат ключи. У Нины перехватило горло. Она на миг перестала дышать и услышала собственное сердце — слишком громкое, чтобы различить, что будет дальше.

— Помнишь сахарницу у бабушки? — продолжил Илья. — Ту белую, с голубыми цветами. Мы однажды спрятали в ней ключ от кладовки, потому что ты сказала, что в сахарнице любой секрет будет в безопасности.

Нина не улыбнулась, но ей захотелось. Она вспомнила тесную бабушкину кухню, столешницу в пятнах от горячих кастрюль и ту самую сахарницу, которую они оба считали надёжным тайником. Нина была старше и уверяла, что сахар вытягивает ржавчину с ключа. Илья, который тогда ещё верил почти всему, что она говорила, кивал с серьёзным видом.

— Ты потом сама выдала наше убежище, — сказал он. — Просто забыла и поставила сахарницу на стол. Бабушка открыла её при нас. Ты сказала, что это была моя идея.

В голосе брата мелькнул короткий смешок. Нина почувствовала, как напряглись её плечи. Она знала этот звук. Так Илья смеялся, когда собирался рассказать что-то неприятное, но надеялся смягчить разговор шуткой.

Запись сделала паузу.

Нина замерла. Ей показалось, что за этой секундой скрывается больше, чем за словами. Что Илья выбирает, с чего начать. Что он набирает воздуха перед признанием. Что смешок был не весёлым, а виноватым.

Её рука двинулась к телефону.

Лида ничего не сказала. Она только слегка повернула ладонь вверх, оставляя решение Нине.

— Пауза, — прошептала Нина. — Я могу остановить?

— Конечно.

Нина нажала на экран. Комната стала слишком тихой. По стеклу окна шуршал дождь, и за стеной кто-то включил воду. Она посмотрела на неподвижную полоску записи.

— Я уже решила, что он там собирается признаться, — сказала она.

— Ты это услышала?

— Нет. Я услышала паузу.

— Тогда пока это разные вещи.

Лида произнесла это без нажима, почти буднично. Нина ощутила раздражение: хотелось, чтобы подруга сказала, что никаких признаний там не будет. И тут же поняла, что такого она не могла знать.

Нина выдохнула. Она могла остановить сообщение, и это оставалось правдой. Но сейчас ей хотелось услышать, что будет дальше. Не потому, что она обязана, а потому, что сама выбрала продолжить.

Она снова коснулась экрана.

— Я тогда действительно на тебя свалил, — говорил Илья. — Прости. Ты меня не сдала. А я не умел признавать, что боюсь наказания за какую-то ерунду.

Нина услышала в этих словах мальчика, который в детстве прятался за её спиной, когда бабушка находила разбитую чашку. На секунду ей показалось, что брат сейчас снова попросит помочь. Но запись шла дальше.

— Я не поэтому тебе написал. Просто вспомнил сахарницу. И понял, что давно не говорил с тобой нормально. Есть кое-что, что я должен был рассказать раньше. Мама знает, о чём я. Не спрашивай её пока, ладно? Я обещаю, всё объясню позже. Когда буду рядом.

Он немного помолчал.

— Не сердись на меня заранее.

Раздался короткий шорох, затем запись закончилась.

Телефон показал начало файла, неподвижное и обычное. Нина не потянулась к нему. Несколько секунд она сидела, положив ладони на колени. Ей хотелось нажать воспроизведение и проверить, правильно ли она расслышала каждое слово. Хотелось узнать, что скрывалось за паузой, и заодно убедиться, что голос не изменился. Но они договорились: один раз.

— Всё? — спросила Лида.

— Всё.

— Хочешь поговорить?

Нина посмотрела на экран.

— Не знаю.

— Тогда можно сначала ничего не делать.

Это было похоже на предложение, а не на упражнение. Нина откинулась на спинку кресла и обнаружила, что всё ещё сжимает пальцы. Разжала их по одному. Лида подвинула к ней лист бумаги и ручку, но не стала говорить, что нужно писать.

Нина разлиновала страницу пополам. Над левой колонкой написала: «Услышала». Над правой: «Почувствовала».

Сначала на левой стороне она вывела: «Илья боится рассказать, что случилось». Остановилась. Эта фраза успела появиться раньше, чем она заметила, что слышала совсем другое.

Нина провела через неё одну линию. Не стала вырывать страницу. Просто исправила запись:

«Илья сказал: мама знает, о чём он».

Ниже добавила: «Попросил пока не спрашивать её».

Потом, насколько смогла точно, записала про сахарницу, ключ от кладовки, их детское убежище и обещание всё объяснить позже. На бумаге слова выглядели скромнее, чем в голосе. Они не отвечали на вопрос, почему сообщение появилось на телефоне после смерти Ильи. Не говорили, что именно он хотел объяснить. Не доказывали, что его интонация скрывала признание.

В правой колонке Нина написала: «Тепло — вспомнила бабушкину кухню». Следом: «Страх, когда он сказал, что мама знает». Потом: «Злость, потому что он попросил меня молчать». Ещё ниже: «Надежда, что он снова со мной разговаривает». И, после долгого колебания: «Подозрение: мне показалось, что пауза означает признание».

Она посмотрела на две колонки. В первой были слова, которые произнёс Илья. Во второй — то, что случилось с ней, пока она слушала. Подозрение не исчезло, но теперь не притворялось фактом.

— Я думала, если услышу его голос, сразу пойму, что он хотел сказать, — произнесла Нина. — А я поняла только, что хочу знать.

— Это уже немало, — сказала Лида.

Нина покачала головой. Ей не хотелось превращать утро в удачный итог. Тепло от воспоминания не отменяло тревоги. Злость не отменяла любви. И то, что она дослушала запись до конца, не означало, что теперь готова к любому ответу.

Но брат сказал: «Мама знает, о чём я».

Нина снова прочитала эти слова. Что именно знала мама? Почему Илья просил пока её не спрашивать? И почему он обещал рассказать позже, будто у него ещё оставалось время вернуться и объяснить?

На этот раз вопросы не потребовали немедленного решения. Они просто возникли — один за другим, как огоньки в окне дома, которого давно не было видно с дороги.

Нина отложила ручку. Она не набрала номер матери и не включила запись повторно. Пока рядом оставались лист, Лида и тихий дневной свет. А на бумаге — слова Ильи, отдельно от того, что эти слова подняли в ней.

И всё же фраза о матери не отпускала. Возможно, в их семье действительно существовала тайна. Нина пока не знала, что именно скрыто и кто решил хранить молчание. Но теперь у неё появился вопрос, который можно было задать, когда она будет готова: какую правду мама знала и почему Илья собирался рассказать её сам?

Первое правило: дослушать до конца

На следующее утро Нина снова открыла папку с записью.

Она обещала себе не возвращаться к ней сегодня. Но обещание оказалось слабее привычки искать в паузах то, чего не было сказано. Нина ловила себя на том, что прокручивает в памяти короткий вдох Ильи перед фразой о матери. Может быть, он замялся. Может быть, хотел продолжить. Может быть, остановился потому, что услышал шаги за дверью. Каждое «может быть» незаметно становилось почти фактом.

Лида пришла после обеда и застала Нину с телефоном в руке.

— Ты опять хочешь включить тот же кусок?

— Я хочу понять, почему он замолчал.

— Ты хочешь понять, что он сказал, или что означает пауза?

Нина не ответила сразу. За окном гудел автобус, на подоконнике остывал чай. В обычном дневном шуме вопрос Лиды прозвучал не как упрёк, а как дверь, которую можно было не открывать.

— Наверное, второе.

— Тогда запись тебе не поможет. Она может дать новые слова. Но не обязана объяснить старые.

Нина положила телефон на стол. Она знала это. И всё же знание не всегда останавливало руку.

— Там есть ещё один фрагмент, — сказала она. — Я не включала его целиком.

Лида придвинула стул, но не коснулась телефона.

— Хочешь послушать сейчас?

Нина посмотрела на экран. Возле названия файла стояла дата создания. Она уже проверяла её несколько раз и каждый раз надеялась, что цифры изменятся или хотя бы покажутся менее невозможными. Но дата по-прежнему приходилась на день после смерти Ильи.

Нина не знала, как объяснить это. Пока она не собиралась искать объяснение.

— Да, — сказала она. — Один раз. Не останавливая.

Они договорились о простых вещах: остаться за кухонным столом, оставить дверь открытой, поставить рядом воду. Если Нина захочет прекратить, она выключит звук. Не будет слушать перед сном и не станет пересматривать фрагменты по отдельности. Эти границы не делали запись менее странной. Они только помогали Нине не потерять себя внутри неё.

Перед тем как нажать на экран, она взяла лист и записала три строки.

Что я знаю. Илья сказал, что хотел рассказать мне правду. Он говорил о матери. Я не знаю, почему он не пришёл на мою защиту диплома.

Что я почувствовала. Злость. Обида. И стыдное облегчение от мысли, что, возможно, ему всё-таки было не всё равно.

Что я хочу спросить. Что произошло в последнем разговоре Ильи с отцом? Что отец помнит о вечере моей защиты?

Она перечитала вопрос. В нём не было обвинения, но и оправдания заранее тоже не было. Потом включила запись.

Сначала послышался тихий шорох, будто микрофон задела рукавом. Затем Илья кашлянул. Его голос был не таким, каким Нина помнила его за семейным столом. Там он часто говорил быстро, обрывал чужие фразы, смеялся прежде, чем успевал закончить шутку. Здесь он звучал осторожно, будто каждое слово нужно было сперва подержать в ладони.

— Нин, я не знаю, с какой части ты начала. Наверное, это глупо, потому что ты не можешь мне ответить. Я всё равно продолжаю говорить так, будто ещё есть время договорить потом.

Он на мгновение замолчал.

Нина почувствовала, как пальцы сами потянулись к экрану. Она остановила руку, не запись. Несколько секунд слышалось только шипение микрофона. Нина досчитала до пяти и не стала решать, что именно значила эта пауза.

— Я сказал тебе неправду о последнем разговоре с папой, — продолжил Илья. — Сказал, что он сам позвонил и попросил меня приехать. Всё было наоборот. Это я позвонил ему и попросил о встрече.

Нина опустила глаза на лист. Первая строка не изменилась. Но рядом с ней появилось новое знание.

— Я не хотел, чтобы ты думала, будто папа внезапно решил всё исправить. Он не звонил мне с таким разговором. Я позвонил сам. Мне надо было спросить про маму. Папа сказал, что она знала, где я был в тот вечер, когда ты защищала диплом.

У Нины всплыл университетский зал: ряды складных стульев, чужие пальто, запах мокрой шерсти. Она помнила, как отыскивала Илью глазами перед началом, как оставила для него место у прохода. После защиты она ещё какое-то время задержалась в коридоре, убеждая себя, что он, наверное, застрял в пробке. Потом позвонила. Он ответил не сразу.

«Прости, завалился».

Она тогда сказала: «Ты всегда находишь, чем оправдаться».

Он ответил: «А ты всегда решаешь за меня, что я чувствую».

Через несколько дней они поссорились снова. С тех пор фраза «ты всегда решаешь за меня» звучала в Нининой памяти не как просьба, а как уклонение.

На записи Илья вздохнул.

— Я знаю, где был в тот вечер. Папа собирался уехать из дома, и позвонил мне. Я поехал к нему. Но это ещё не объясняет, почему я не пришёл к тебе. Я мог предупредить. Мог выйти от папы, мог позвонить по дороге. Не сделал ни того ни другого. Я знал, что ты ждёшь. И всё равно решил, что ты подождёшь ещё.

Нина сжала край листа.

— Я не хочу сделать из этого красивую историю, где я кого-то спасал. Не знаю, что во мне перевесило: желание удержать папу или страх выбрать не ту сторону. Может быть, я просто не умел отказать ему. Это объясняет обстоятельства, но не отменяет того, что я не пришёл и не сказал тебе правду. Я был не равнодушен. Но иногда поступал так, будто ты обязана понять это сама.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.